

нелогично, а главное — мотив языческой реакции повторил в своем труде три раза. Ян Славик обратил внимание на признак, указывающий на компилятивный характер его труда, а именно на раздвоенность, повторность действующих лиц и действий.⁸ Мотив восстания против правой веры фигурирует у Кристиана даже три, если не четыре раза.

Этот мотив он заимствовал в первую очередь из Вацлавской легенды. В «Crescente» он разработан удачно: умирает второй по счету чешский князь христианин — Вратислав; его преемник Вацлав еще малолетний. Значит, налицо благоприятные условия для попытки свергнуть новый порядок; к тому же княгиня (вдова) симпатизирует языческой партии. Эту версию истории христианства в Чехии принял и Гумпольд, добавив к ней рассказ о том, что жертвой языческого мятежа стала Людмила. Иную версию дает 1-е старославянское житие Вячеслава, где восстание язычников передвинуто на время полновластия Вячеслава и вождем является Болеслав. Кристиан, не смущаясь, перенес оба мятежа в свой труд, рассказав о первом по «Crescente», а о втором — по 1-му старославянскому житию Вячеслава.

В известном смысле мотив восстания есть уже и в первоначальном житии Мефодия, где по дьявольскому наущению Святополк преследует Мефодия. Но здесь речь идет не о столкновении язычества с христианством. Также в 1-м старославянском житии Вацлава мятеж вельмож не носит сколько-нибудь ярко выраженного противохристианского характера. Кристиан воспроизвел все эти известия различных своих источников о мятеже или непослушании, но, не колеблясь, наделил и своего Борживоя заслугами по одолению супротивных, сделав вождем языческой реакции против него Строймира. Была правильно отмечена нелогичность того, чтобы языческий мятеж в Чехии против первого христианского государя возглавлял князь Строймир, по Кристиану же долго живший в Германии, где христианство укоренилось относительно давно.

Это многократное повторение родственных мотивов у Кристиана свидетельствует о литературной обработке и книжной инспирации. Однако конфликт Святополка с Мефодием есть исторический факт, можно думать, что черты историчности есть и в мятеже, довольно реалистически изображенном в «Crescente». Но второй по счету мятеж при Вячеславе, о котором, следуя за 1-м старославянским житием Вацлава, рассказывает Кристиан, есть искусственная конструкция. И уже чисто литературными потребностями вызван рассказ о восстании Строймира. Анекдотический мотив «Variemus» — это «общее место» тогдашней литературы. Поскольку дело касается возможной исторической основы, то отметим догадку Добровского: он предполагал наличие образца из болгарской агиографии — повести о мятеже против первого христианского государя — Бориса.⁹ Не исключено, что эта догадка правильна. Но проверить ее можно будет лишь при глубоком изучении отношений Кристиана к болгарской литературе X в.

Достоверность действующих лиц Борживоевой легенды, из числа которых мы уже исключили Строймира, не может быть проверена средствами исторической критики. Помимо самого Борживоя, речь идет еще о Каихе. Фигурой Борживоя я уже занимался в своей более ранней работе.¹⁰ Здесь я отметил бы кратко, что единственная порука его существо-

⁸ J. Slavík. Dvojnost osob a dějů v legendě Kristiánově. — Sborník J. B. Novákovi. Praha, 1932, стр. 32—44.

⁹ Ср.: WLL, стр. 271 («все, что Кристиан рассказывает о Строймире... он взял... из болгарской истории»).

¹⁰ O. Králík. Jos. Dobrovský a bádání o počátcích českých dějin. — Sborník Pocta Zd. Nejedlému. Olomouc, 1959, стр. 73—140.